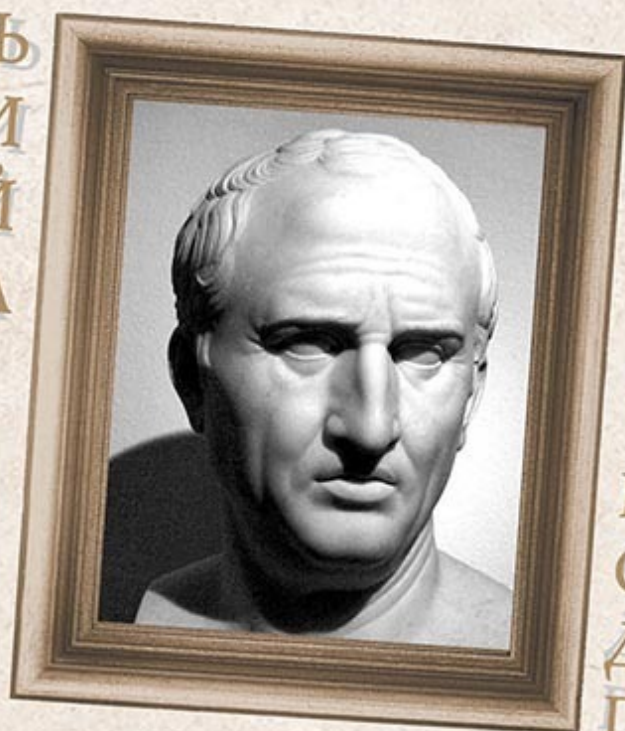

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

МАРК ТУЛЛИЙ

ЦИЦЕРОН

ЖИЗНЬ
СРЕДИ
СТРАСТЕЙ
И СТРАХА

КАК
ОБРЕСТИ
ДУШЕВНЫЙ
ПОКОЙ

ТИТ КАР

ЛУКРЕЦИЙ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

Философский поединок

Марк Цицерон

**Жизнь среди страстей и страха.
Как обрести душевный покой**

«Алисторус»

60 г. до н. э.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

Цицерон М. Т.

Жизнь среди страстей и страха. Как обрести душевный покой /
М. Т. Цицерон — «Алисторус», 60 г. до н. э. — (Философский
поединок)

ISBN 978-5-00269-530-0

«В скольких опасностях жизнь протекает в этого века ничтожнейший срок! Неужели не видно, что об одном лишь природа вопит, чтобы не ведало тело страданий, а мысль наслаждалась чувством приятным вдали от сознания заботы и страха?» — писал в своей поэме «О природе вещей» римский философ Тит Лукреций Кар (99 год до н. э. — 55 год до н. э.). Это было время, когда Рим сотрясали перевороты, гражданские и внешние войны, проводились массовые преследования и казни римских граждан. Лукреций, исследуя историю человеческого рода и цивилизации, показывал, что подобное происходило всегда, и, исходя из идей Эпикура, предлагал способы достижения душевного покоя (атараксии). Его современник, величайший римский оратор, философ и политический деятель Марк Туллий Цицерон (106 год до н. э. — 43 год до н. э.) скептически относился к возможности достичь атараксии с помощью эпикурейства. По мнению Цицерона, только стоицизм способен дать душевный покой; об этом говорится в главном труде Цицерона «Тускуланских беседах». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-00269-530-0

© Цицерон М. Т., 60 г. до н. э.

© Алисторус, 60 г. до н. э.

Содержание

Тит Лукреций Кар	7
Вступление	7
Первобытные люди	12
Происхождение общества	14
Происхождение религии	18
Развитие цивилизации	20
Чума, страх и смерть	25
Нелепость страха смерти	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Тит Кар Лукреций; Марк Туллий Цицерон

Жизнь среди страстей и страха.

Как обрести душевный покой

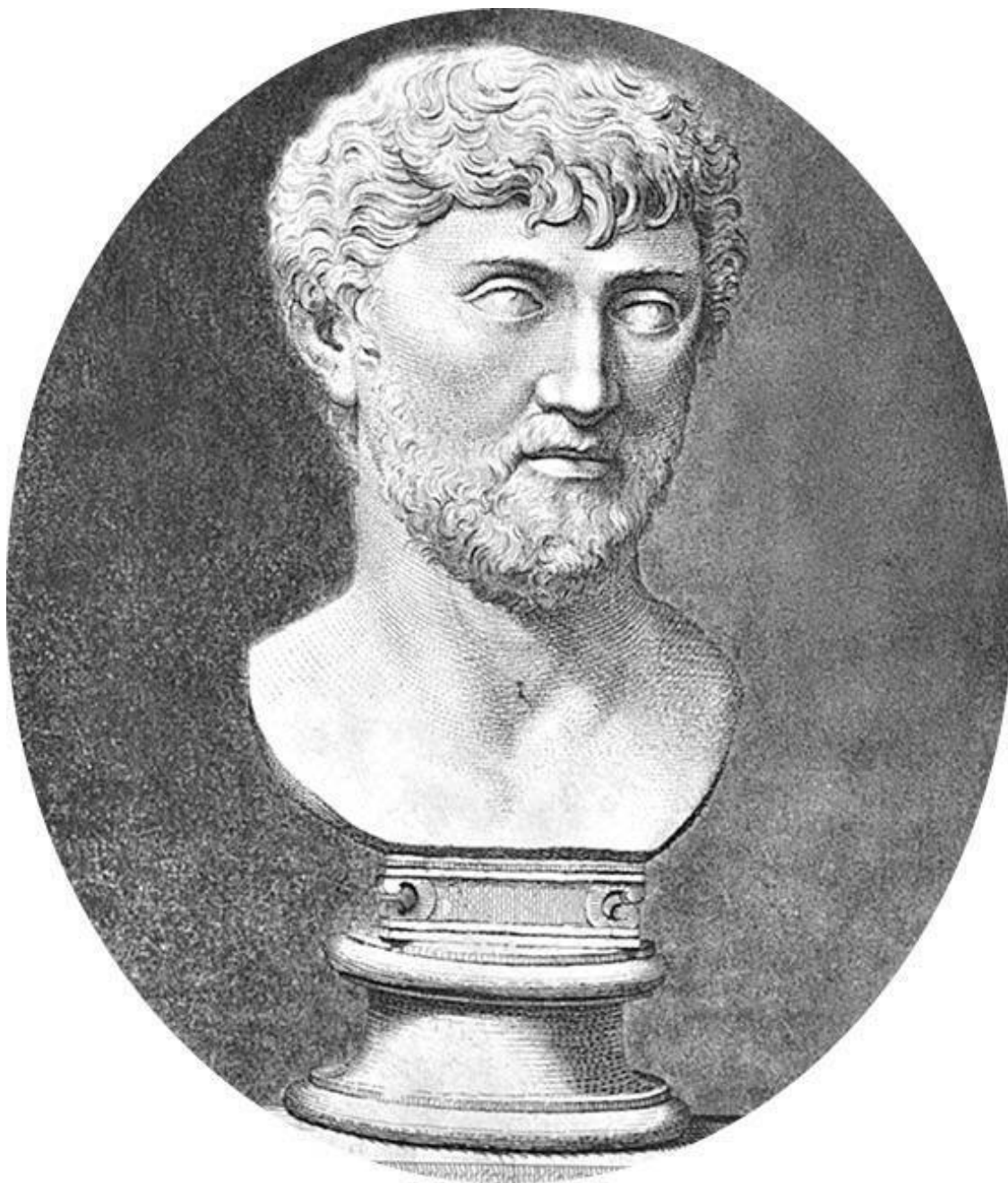
© Петровский Ф. А. и др., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Тит Лукреций Кар О природе вещей (фрагменты)

Вступление

Сладко, когда на просторах морских разыграются ветры,
С твёрдой земли наблюдать за бедою, постигшей другого,
Не потому, что для нас будут чьи-либо муки приятны,
Но потому, что себя вне опасности чувствовать сладко.
Сладко смотреть на войска на поле сраженья в жестокой
Битве, когда самому не грозит никакая опасность.
Но ничего нет отраднее, чем занимать безмятежно
Светлые выси, умом мудрецов укреплённые прочно:
Можешь оттуда взирать на людей ты и видеть повсюду;
Как они бродят и путь, заблуждаясь, жизненный ищут;
Как в дарованьях они состязаются, спорят о роде,
Ночи и дни напролёт добиваясь трудом неустанным
Мощи великой достичь и владыками сделаться мира.
О вы, ничтожные мысли людей! О чувства слепые!
В скольких опасностях жизнь, в каких протекает потёмках
Этого века ничтожнейший срок! Неужели не видно,
Что об одном лишь природа вопит и что требует только,
Чтобы не ведало тело страданий, а мысль наслаждалась
Чувством приятным вдали от сознания заботы и страха?
Мы, таким образом, видим, что нужно телесной природе
Только немного: то, что страдания все удаляет.
Пусть наслаждения ей предоставит и многие можно,
Но и приятней порой и не против воли природы,
Если в хоромаш у нас не бывает златых изваяний
Отроков, правой рукой держащих зажжённые лампы,
Чтобы ночные пиры озарять в изобилии светом;

Тит Лукреций Кар родился около 99 года до н. э. в Помпеях возле Неаполя. Некоторые факты указывают на то, что он был из богатой семьи, например, поэт со знанием дела описывал роскошную жизнь аристократии Древнего Рима. Скорее всего, он получил образование в неаполитанской эпикурейской школе под руководством Филодема Гадарского.

Обстоятельства жизни Лукреция были трагическими: он пережил период гражданской войны, диктатуру Суллы с проскрипциями и уничтожением огромного числа римских граждан, подавление восстания Спартака и раскрытие заговора Катилины. Тяжелая историческая ситуация повлияла на формирование мировоззрения поэта, обратившегося к философии Эпикура, в которой он видел спасение от жизненных бурь. Умер Лукреций в середине 50-х годов до н. э. в Риме.

И серебром не сверкают дома, и златом не блещут,
И не гудят под резным потолком золоченым кифары;
Люди же вместо того, распростершись на мягкой лужайке

На берегу ручейка, под ветвями высоких деревьев,
Скромными средствами телу дают усладительный отдых,
Если к тому ж улыбается им и погода, и время
Года усыплет цветами повсюду зелёные травы.
Не покидает и жар лихорадочный тела скорее,
Коль на узорных коврах и на ярком пурпуровом ложе
Мечешься ты, а не должен лежать на грубой подстилке.
И потому, так как нет от сокровищ для нашего тела
Проку нисколько, равно как от знатности или от власти,
То остаётся считать и душе это всё бесполезным.
Разве, когда ты порой глядишь на свои легионы,
Что по равнине снуют, представляя примерную битву,
Вместе с большим подкреплением в запасе и конницей сильной,
С равным оружием в руках, с одинаковой силою духа,
Иль когда видишь ты флот снующим повсюду на море,
Что ж, убегают тогда, уstraшённые зрелищем этим,
В ужасе все суеверья твои? Разве страх перед смертью
Сердце покинет твоё, оставив его беззаботным?
Если ж мы видим, что это смешно и глумленья достойно,
В самом же деле боязнь и заботы, преследуя смертных,
Не уstraшают звоном доспехов и грозным оружием,
Но пребывают всегда средь царей и властителей смело,
И не робеют они ни пред золота блеском нисколько,
Ни перед пышностью яркой роскошных пурпуровых тканей,
То усомнишься ли ты, что сила здесь в разуме только,
Если к тому же вся жизнь пробивается наша в потёмках?
Ибо как в мрачных потёмках дрожат и пугаются дети,
Так же и мы среди белого дня опасаемся часто
Тех предметов, каких бояться не более надо,
Чем того, чего ждут и пугаются дети в потёмках.
Значит, изгнать этот страх из души и потёмки рассеять
Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного,
Но природа сама своим видом и внутренним строем.

* * *

Я полагаю, теперь своевременно будет
Ниспровергнув, изгнать совершенно боязнь Ахеронта,
Что угнетает людей и, глубоко их жизнь возмущая,
Тьмою кромешною всё омрачает и смертною мглою
И не даёт наслаждаться нам радостью светлой и чистой,
Ибо хотя говорят, что болезни и жизни бесчестье
Быть нам страшнее должны, чем Тартар – смерти обитель,
Что природа души состоит, как известно, из крови
Или из ветра ещё, – коли будет угодно так думать, —
И что потребности нет ни малейшей в учении нашем,
Всё это люди, заметь, говорят из тщеславия больше,
Чем потому, что для них непреложно такое сужденье.
Эти же люди, себя запятнав преступлением гнусным,

Изгнаны будучи вон из отчизны и общества близких,
Всякие беды терпя, тем не менее жить продолжают;
Всюду, куда ни придут, они тризну творят по умершим,
Жалкие! черных овец закаляют и Манам подземным
Жертвы приносят, творя возлиянья, и в скорби жестокой
Строже гораздо блюдут религии чин и уставы.
Вот почему наблюдать всегда надлежит человека
В бедах и грозной нужде и тогда убедиться, каков он.
Ведь из сердечных глубин лишь тогда вылетает невольно
Истинный голос, личина срывается, суть остаётся.
Денег алчба, наконец, и почестей жажда слепая
Нудят несчастных людей выходить за пределы закона
И в соучастников их обращают и в слуг преступлений,
Ночи и дни напролёт заставляя трудом неустанным
Мощи великой искать. Эти язвы глубокие жизни
Пищу находят себе немалую в ужасе смерти.
Ибо постыдный позор и жестокая бедность обычно
Несовместимы для нас с приятною, тихою жизнью
И представляются нам как будто преддверием смерти.
Люди, стремясь убежать от этого дальше и дальше,
Всё это прочь отстранить, объятые ложным испугом,
Кровью сограждан себе состояния копят и жадно
Множат богатства свои, громоздя на убийство убийство,
С радостью лютой идут за телом умершего брата
И пировать у родных ненавидят они и страшатся.
Точно таким же путём от этого страха нередко
Гложет их зависть, что тот могуществен, этот во блеске
Шествует славы своей, привлекая всеобщие взоры,
Им же приходится жить, валяясь в грязи и во мраке.
Люди иные порой ради имени гибнут и статуи,
Часто же их до того доводит боязнь перед смертью,
Что, отвращеньем полны и к жизни и к свету дневному,
От безысходной тоски они сами себя убивают,
Вовсе забыв, что тоска их питается этим же страхом.
Он прогоняет и стыд, он и узы теснейшие дружбы
Врозь расторгает, и он извращает вконец благочестье.
Ведь и отчизну свою и родителей милых нередко
Люди, стремясь избежать Ахеронта пучин, предавали.

* * *

Доселе земля в изобилии диких рождает зверей
И наполнены ужасом смутным
Чащи, и горная высь, и лесные глубокие дебри;
Но избегать этих мест мы почти что всегда в состоянии.
Если же сердце не чисто у нас, то какие боренья,
Сколько опасностей нам угрожает тогда поневоле,
Сколько жестоких забот и терзаний, внушаемых страстью,
Мучат смятенных людей и какие вселяют тревоги!

Гордость надменная, скупость и дерзкая наглость – какие
Беды они за собою влекут! А роскошь и праздность?
И потому, кто всё это низверг при помощи слова,
А не оружием изгнал из души, неужель не достойно
Будет нам к сонму богов человека того сопричислить?
Если к тому же еще, одержимый божественным духом,
Многое он говорил о бессмертных богах, постоянно
Всю природу вещей объясняя в своих изречениях.
Я по стопам его ныне иду и ему продолжаю
Следовать, здесь излагая своими словами порядок,
Коем и создано всё и в котором всё пребывает,
Времени вечный закон нерушимый не в силах расторгнуть.

Первобытные люди

Прежде порода людей, что в полях обитала, гораздо
Крепче, конечно, была, порожденная крепкой землею.
Остов у них состоял из костей и плотнейших и больших:
Мощные мышцы его и жилы прочнее скрепляли.
Мало доступны они были действию стужи и зноя
Иль непривычной еды и всяких телесных недугов.
Долго, в течение многих кругов обращения солнца,
Жизнь проводил человек, скитаясь, как дикие звери.
Твердой рукою никто не работал изогнутым плугом,
И не умели тогда ни возделывать поле железом,
Ни насаждать молодые ростки, ни с деревьев высоких
Острым серпом отрезать отсохшие старые ветви.
Чем наделяли их солнце, дожди, что сама порождала
Вольно земля, то вполне утоляло и все их желанья.
Большую частью они пропитанье себе находили
Между дубов с желудями, а те, что теперь созревают,
ты видишь, – крупней и обильнее почва давала.
Множество, кроме того, приносила цветущая юность
Мира и грубых кормов для жалких людей в изобилии,
А к утолению жажды источники звали и реки;
Как и теперь, низвергаясь с гор, многошумные воды
Жаждающих стаи зверей отовсюду к себе привлекают.
И, наконец, по лесам пробираясь, они занимали
Капища нимф, из которых, как ведомо было им, токи
Плавно скользящей воды омывают влажные скалы,
Влажные скалы, росой над зеленым покрытые мохом,
Частью же, вон вырываясь, бегут по открытой равнине.
Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И укрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы.
Общего блага они не блюли, и в сношениях взаимных
Были обычаи им и законы совсем неизвестны.
Всякий, добыча кому попадалась, ее произвольно
Брал себе сам, о себе лишь одним постоянно заботясь.
И сочетала в лесах тела влюбленных Венера.
Женщин склоняла к любви либо страсть обоюдная, либо
Грубая сила мужчин и ничем неуёмная похоть,
Или же плата такая, как желуди, ягоды, груши,
На несказанную мощь в руках и в ногах полагаясь,
Диких породы зверей по лесам они гнали и били
Крепким, тяжелым дубьём и бросали в них меткие камни;
Многих сражали они, от иных же старались укрыться.
Телом своим загрубелым, подобно щетинистым вепрям,
Наземь валилися спать нагишом с наступлением ночи

И зарывались в листву или ветви густые с деревьев.
С воплями громкими дня или солнца они не искали,
В мраке ночном по полям пробираясь, объятые страхом,
Но ожидали, в молчаньи и в сон погружившись глубокий,
Как небеса озарит светильником розовым солнце.
Ведь с малолетства уже присмотрелись они и привыкли,
Что нарождаются свет и потемки друг другу на смену,
А потому никогда не могло появиться сомненье
Иль опасенье у них, чтобы вечная не распростерлась
Ночь над землею и свет от солнца не сгинул навеки.
Больше заботы им то причиняло, что дикие звери
Часто тревожили их, не давая несчастным покоя.
Крова лишаясь, они из-под каменных сводов бежали
При появлении могучего льва или вспененного вепря
И уступали глухой полуночью свирепым пришельцам,
В ужасе диком, свои листвою покрытые ложа.
Да и не чаще тогда, чем теперь, поколения смертных
Сладостный свет бытия оставляли со стоном печальным.
Правда, тогда человек, в одиночку попавшись, чаще
Пищу живую зверям доставлял и, зубами пронзенный,
Воплем своим оглашал и леса, и дубравы, и горы,
Видя, как мясом живым он в живую уходит могилу.
Те же, кому удавалось спастись и с объединенным телом
Прочь убежать, закрывая ладонью дрожащею язвы
Гнусные, Орка потом ужасающим криком на помощь
Звали, доколе их боль не лишала жестокая жизни,
Их беспомощных, не знавших, чем надо залечивать раны.
Но не губила зато под знаменами тысяч народа
Битва лишь за день один. Да и бурные моря равнины
Не разбивали судов и людей о подводные камни.
Даром, напрасно, вотще вздымаясь, волны бесились
Часто и так же легко оставляли пустые угрозы,
И не могли никого коварные моря соблазны
Гладью спокойной прельстить и завлечь, улыбаясь волнами.
Дерзкое людям совсем мореходство не ведомо было.
Скудная пища тогда предавала слабевшие члены
Смерти. Напротив, теперь излишество нас убивает.
Те наливали себе по неведению часто отраву
Сами, а ныне другим дают ее с большим искусством.

Происхождение общества

После, как хижины, шкуры, огонь себе люди добыли,
После того, как жена, сочетавшись с мужем, единым
Стала хозяйством с ним жить, и законы супружества стали
Ведомы им, и они свое увидали потомство,
Начал тогда человеческий род впервые смягчаться,
Зябкими сделал огонь их тела, и они перестали
Так уж легко выносить холода под небесным покровом.
Да и Венера их мощь ослабляла, и ласкою детям
Грубый родителей нрав сломить без труда удавалось.
Там и соседи сводить стали дружбу, желая взаимно
Ближним не делать вреда и самим не терпеть от насилия,
Требуя к детям притом снисхожденья и к женскому полу,
Смутно давали понять движеньями тела и криком,
Что сострадательным быть подобает ко всем слабосильным.
Правда, достигнуть нельзя было всюду согласия, но всё же
Добрая часть людей договоры блюла нерушимо.
Иначе весь человеческий род уж тогда бы пресекался,
И не могли бы досель поколения его размножаться.
Что же до звуков, какие язык производит, – природа
Вызвала их, а нужда подсказала названия предметов
Тем же примерно путем, как и малых детей, очевидно,
К телодвиженьям ведет неспособность к словам, понуждая
Пальцем указывать их на то, что стоит перед ними.
Чувствует каждый, на что свои силы способен направить:
Прежде еще, чем на лбу у тельца рога показались,
Он уж сердито грозит и враждебно бодается ими;
И не успели еще зародиться ни когти, ни зубы
У молодого потомства пантер и у львят, как они уж
Когтем и лапою бьют и пускают в защиту укусы.
Птичий весь, далее, род полагается, видим, на крылья
И охраняет себя движением трепетным перьев.
А потому полагать, что кто-то снабдил именами
Вещи, а люди словам от него научились впервые, —
Это безумие, ибо, раз мог он словами означить
Всё и различные звуки издать языком, то зачем же
Думать, что этого всем в то же время нельзя было сделать?
Кроме того, коли слов и другие в сношениях взаимных
Не применяли, откуда запало в него представленье
Пользы от этого иль возникла такая способность,
Чтобы сознание того, что желательно сделать, явилось?
Также не мог он один насильно смирить и принудить
Многих к тому, чтоб они названия вещей заучили.
Да и ко слову глухих не легко убедить и наставить
В том, как им надобно быть: они бы совсем не стерпели
И не снесли бы того, чтобы их ушам понапрасну
Надоедали речей дотоле неслыханным звуком.

Что же тут странного в том, наконец, если род человеков
Голосом и языком одаренный, означил предметы
Разными звуками все, по различным своим ощущениям?
Ведь и немые скоты и даже все дикие звери
Не одинаковый крик испускают, а разные звуки,
Если охвачены страхом иль чувствуют боль или радость,
В этом путем наблюдений простых ты легко убедишься:
Если Молосские псы в раздражении огромною пастью
Мягкою только ворчат, оскаливши крепкие зубы,
То по-иному звучат их сдавленной злости угрозы,
Чем если лают они и голосом всё наполняют.
Также, когда языком щенят они с нежностью лижут
Или же лапами их тормошат и хватают их пастью,
Будто кусая, но к ним едва прикасаясь зубами,
То по-иному совсем они твякают с ласковым визгом,
Чем если в доме одни они воют, иль с жалобным воплем,
Телом припавши к земле, от побоев хотят увернуться.
Разве не видно затем и в ржании разницы также,
Юный когда жеребец, преисполненный силы, беснуясь,
Носится между кобыл, крылатым пришпоренный богом,
Иль когда храп из ноздрей раздутых пускает при битве,
Или же попросту ржет иногда, содрогаясь всем телом?
Да и крылатая птиц, наконец, разнovidных порода —
Ястреб, гагара, скопа — когда они по морю ищут,
В волнах соленых себе пропитанье и корм добывая,
То по-иному совсем кричат в эту пору обычно,
Чем если спорят за корм или борются с самой добычей.
Также иные из них с переменной погоды меняют
Хриплое пенье свое: например, ворон долговечных
Племя и воронов стаи, когда, — говорят, — призывают
Сырость они и дожди или ветер накликают и бури.
Стало быть, коль заставляют различные чувства животных
Даже при их немоте испускать разнородные звуки,
Сколь же естественней то, что могли первобытные люди
Каждую вещь означать при помощи звуков различных!
Во избежанье с твоей стороны молчаливых вопросов,
Знай же, что смертным огонь принесен на землю впервые
Молнией был. От нее и расходится всякое пламя.
Видим ведь, много вещей, огнем небесным объятых,
Блещут, ударом с небес пораженные, вспыхнув от жара,
Но и от ветра, когда, раскачавшись, деревья, ветвями
Сильно шатаясь, начнут налегать одно на другое,
Мощное трение их исторгает огонь, и порою,
Вспыхнувши, вдруг заблестит и взнесется горячее пламя,
Если взаимно они и стволами и сучьями трутся.
То и другое могло огонь доставить для смертных.
После же пищу варить и смягчать ее пламени жаром
Солнце наставило их, ибо видели люди, что силой
Знойно палящих лучей умягчается многое в поле.

День ото дня улучшать и пищу и жизнь научали
Те, при посредстве огня и всяческих нововведений,
Кто даровитее был и умом среди всех выдавался.
Начали строить цари города, воздвигать укрепления,
В них и оплот для себя находя и убежище сами;
И поделили поля и скотину они, одаряя
Всех по наружности их и по их дарованиям и силам,
Ибо наружность тогда почиталась и славились силы.
Позже богатство пришло и золото было открыто,
Что без труда и красивых и сильных лишило почета,
Ибо за тем, кто богаче, обычною следуют свитой
Те, кто и силой своей и красой богачей превосходит.
Тот же, кто в жизни себе кормилом взял истинный разум,
Тот обладает всегда богатством умеренной жизни;
Дух безмятежен его, и живет он, довольствуясь малым.
Люди же вместо того устремились ко славе и власти,
Думая этим себе благоденствие твердо упрочить
И проводить свою жизнь при достатке в спокойствии полном.
Тщетно! Все те, кто достичь до вершины почета стремятся,
Гибельным сделали путь по дороге, к нему восходящей.
С самых почета высот будто молнией их поражает
Зависть и в Тартара мрак низвергает нередко крошечный.
Зависть ведь чаще всего зажигает, как молния, выси,
Всё, что стоит над другим и вершиной своей выдается,
Лучше поэтому жить, повинувшись в спокойствии полном,
Нежели власти желать верховной и царского сана.
Пусть же напрасно они обливаются потом кровавым,
Изнемогая в борьбе на пути честолюбия узком:
Всё разуменье свое из чужих они уст почерпают,
Слушают мнения других, а собственным чувствам не внимают.
Было так прежде, так есть и теперь, и впоследствии будет.
По убиении царей ниспровергнуты в прахе лежали
Гордые скипетры их и бывшее величие тронов,
И украшение державной главы, обагрённое кровью,
Под ноги черни упав, за великую почесть платилось:
Жадно ведь топчется то, что некогда ужас внушало.
Смуты настали затем и полнейший во всем беспорядок:
Каждый ко власти тогда и к господству над всеми стремился.
Некие люди затем избранью властей научили
И учредили права, дабы люди держались законов.
Род же людской до того истомился насилием вечным
И до того изнемог от раздоров, что сам добровольно
Игу законов себя подчинил и стеснительным нормам.
Каждый ведь сам за себя порывался во гневе жесточе
Мстить, чем теперь это нам позволяет закон справедливый.
И потому опротивела жизнь при насилиии вечном.
Страх наказаний с тех пор омрачает все жизни соблазны:
В сети свои произвол и насилие каждого ловят,
Обыкновенно к тому, от кого изошли, возвращаясь;

Жить для того нелегко спокойной и мирною жизнью,
Чьи нарушают дела договоры всеобщего мира.
Пусть и богов и людей ему обмануть удастся,
Всё ж утаить навсегда преступления нету надежды,
Ибо невольно, во сне говоря иль в бреду при болезни,
Многие сами себя выдавали, бывало, нередко
И открывали свои сокровенные долго злодейства.

Происхождение религии

Ну, а причину того, что богов почитанье в народах
Распространилось везде, города алтарями наполнив,
И учредился обряд торжественных богослужений,
Ныне в особых местах, совершаемых в случаях важных,
Также откуда теперь еще в смертных внедрен этот ужас,
Что воздвигает богам всё новые капища всюду
На протяжении земли и по праздникам их наполняет, —
Всё это здесь объяснить не составит больших затруднений,
Дело ведь в том, что уже и тогда поколения смертных
Дивные лики богов случалось и бодрствуя видеть
Иль еще чаще во сне изумляться их мощному стану.
Чувства тогда приписали богам, потому что, казалось,
Телодвиженья они совершали и гордые речи,
Шедшие к их красоте лучезарной и силе, вещали.
Вечной считалась их жизнь, потому что всегда неизменным
Лик оставался у них и всё тем же являлся их образ;
И тем не менее мощь почиталась их столь непомерной,
Что одолеть никакой невозможно, казалось, их силой,
И потому несравненным богов полагали блаженство,
Что не тревожит из них ни единого страх перед смертью.
И в сновиденьях еще представлялося людям, что боги
Много великих чудес совершают без всяких усилий.
Видели, кроме того, что вращение неба и смена
Года различных времен совершаются в строгом порядке,
Но не могли распознать, почему это так происходит,
И прибегали к тому, что богам поручали всё это,
Предполагая, что всё направляется их мановеньем,
В небе жилища богов и обители их помещали,
Видя, что ночь и луна по небесному катятся своду,
День и ночь, и луна, и ночи суровые знаки,
Факелы темных небес и огней пролетающих пламя,
Солнце и тучи, и снег, и град, и молнии, и ветры,
Бурь стремительный вихрь и грозные грома раскаты.
О человеческий род несчастный! Такие явления
Мог он богам приписать и присвоить им гнев беспощадный!
Сколько стенаний ему, сколько нам это язв причинило,
Сколько доставило слез и детям нашим и внукам!
Нет, благочестье не в том, что пред всеми с покрытой главою
Ты к изваяньям идешь и ко всем алтарям припадаешь,
Иль повергаешься ниц, или, длани свои простирая,
Молишься храмам богов, иль обильною кровью животных
Ты окропляешь алтарь, или нижешь обет на обеты,
Но в созерцанья всего при полном спокойствии духа.
Ибо, когда мы глаза подымаем к небесным пространствам,
Видя в мерцании звезд высоты эфира над нами,
И устремляется мысль на луны и на солнца движенья,

То из-под гнета других мучений в груди начинает
Голову вверх поднимать, пробуждаясь, такая забота:
Нет ли над нами богов, безграничная мощь которых
Разным движеньем кругом обращает блестящие звезды?
Скудость познания мысль беспокоит тревожным сомненьем,
Именно: было иль нет когда-то рождение мира,
И предстоит ли конец, и доколь мироздания стены
Неугомонный напор движения выдержать могут;
Или, по воле богов одаренные крепостью вечной,
Могут, в течение веков нерушимо всегда сохраняясь,
Пренебрегать необъятных веков сокрушительной силой?
Иль у кого же тогда не спирает дыхания ужас
Пред божеством, у кого не сжимаются члены в испуге,
Как содрогнется земля, опаленная страшным ударом
Молнии, а небо кругом огласят громовые раскаты?
И не трепещут ли все племена и народы, и разве
Гордые с ними цари пред богами не корчатся в страхе,
Как бы за гнусности все, и проступки, и наглые речи
Не подошло, наконец, и тяжелое время расплаты?
Также, над морем когда проносясь, сокрушительной силой
Ветер неистовый мчит по волнам предводителя флота,
Все легионы его и слонов вместе с ним увлекая, —
Разве тогда не дает он обетов богам и, объятый
Страхом, не молит он их о затишьи и ветре попутном?
Тщетно: подхваченный вдруг ураганом неистовым, часто
Он, несмотря ни на что, уносится к заводям смерти.
Так все деянья людей сокровенная некая сила¹⁶⁰
Рушит, а пышные связки и грозные с ними секиры
Любо, как видно, ей в прах попирает и посмешищем делать.
И, наконец, когда вся под ногами колеблется почва,
Падают или грозят города потрясенные рухнуть,
Что же тут странного в том, если так поколения смертных
Уничуждают себя и всецело богам оставляют
Чудные силы и власть управления всею вселенной?

Развитие цивилизации

Было открыто затем и железо и золото с медью,
Веское также еще серебро и свинцовая сила,
После того как огонь истребил, охвативши пожаром,
Лес на высоких горах иль от молнии, ударившей с неба,
Или еще потому, что в лесах воевавшие люди
Для устрашения врагов зажигали огонь им навстречу,
Или хотели они, привлеченные щедростью почвы,
Тучных прибавить полей и под пастбища место очистить,
Или зверей убивать и добычей от них богатиться,
Ибо сначала огонь применяли и ямы, охотясь,
Раньше, чем псами травить научились и ставить тенёта.
Но какова б ни была причина того, что пожаром
С шумом зловещим леса пожирало горячее пламя
До основанья корней, – только недра земли распалялись,
И, в углубленья ее собираясь, по жилам кипящим
Золото, медь, серебро потекли раскаленным потоком
Вместе с ручьями свинца. А когда на земле появились
Слитки застывшие их, отливавшие ярко, то люди
Начали их поднимать, плененные глянцем блестящим,
И замечали притом, что из них соответствует каждый
В точности впадине той, которая их заключала.
Это внушило ту мысль, что, расплавив, металлы возможно
В форму любую отлить и любую придать им фигуру;
И до любой остроты и до тонкости также возможно
Лезвий края довести, постепенно сжимая их ковкой,
Чтобы оружие иметь и орудья для рубки деревьев,
Чтобы обтесывать лес и выстругивать гладкие брусья,
Чтобы буравить, долбить и просверливать в дереве дыры.
Это они серебром или золотом делать пытались
Так же сначала, как силой могучей и мощною меди.
Тщетно: слабей была стойкость у этих металлов, и с медью
Вровень они не могли выдерживать грубой работы.
Ценной была тогда медь, а золото было в презрении.
Как бесполезная вещь с лезвием, от удара тупевшим.
Ныне в презрении медь, а золото в высшем почете.
Так обращение времен изменяет значенье предметов:
Что было раньше в цене, то лишается вовсе почета,
Следом другое растет, выходя из ничтожества к блеску;
День ото дня всё сильней вожделеют его, и находку
Славят его, и цветет оно дивным у смертных почетом.
Далее, как естество железа было открыто,
Это и сам без труда ты понять в состоянии, Меммий.
Древним оружием людей были руки, ногти и зубы,
Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья,
Пламя затем и огонь, как только узнали их люди.
Силы железа потом и меди были открыты,

Но применение меди скорей, чем железа, узнали:
Легче ее обработка, а также количество больше.
Медью и почву земли бороздили, и медью волненье
Войн поднимали, и медь наносила глубокие раны;
Ею и скот и поля отнимали: легко человекам
Вооруженным в бою безоружное всё уступало.
Мало-помалу затем одолели мечи из железа,
Вид же из меди серпа становился предметом насмешек;
Стали железом потом и земли обрабатывать почву
И одинаковым все оружием в битвах сражаться.
Прежде верхом на коня садился в оружии всадник
И, управляя уздой, он правою бился рукою;
Позже в обычай вошло в колесницах двуконных сражаться,
После же к паре коней припрягать еще пару другую
И в серпоносных нестись колесницах в опасную битву,
Там и луканских волов, змееруких и видом ужасных,
С башней на спинах, сносить приучали ранения пуны
И на войне приводить в смятение полчища Марса.
Так порождалось одно из другого раздором жестоким
Всё, что людским племенам угрожает на поле сраженья,
День ото дня прибавляя всё новые ужасы битвы.
Также пытались быков приспособить к военному делу,
Вепрей свирепых пускать покушались на вражее войско,
А иногда даже львов пред собой выпускали могучих
В сопровождении свирепых вождей и погонщиков ратных,
Ведших зверей на цепях и умевших направить искусно.
Тщетно: они, разъярившись, в пылу беспорядочной бойни
Мяли свирепо полки и своих и чужих без разбора,
Страшно при этом тряся головами с косматою гривой.
И не могли успокоить коней, перепуганных ревом,
Всадники, ни обуздать, ни направить на вражьи отряды.
В ярости львицы неслись и кидались прыжками с разбегу
Всюду; стремились схватить попадавшихся встречных за горло
Или же, с тылу напад неожиданно, рвали на части.
Раненных тяжело они повергали с размаху на землю,
Цепко зубами схватив и терзая когтями кривыми.
Да и быки на своих же бросались, ногами топтали,
И животы и бока лошадей прободали рогами
Снизу, и землю кругом взрывали в бешенстве грозном.
Мощным пронзали клыком своих же союзников вепри,
В бешенстве кровью своей обагрят обломки оружия,
Производили разгром без разбора и конных и пеших.
Прядали лошади прочь, избегая жестоких укусов,
Иль, становясь на дыбы, по воздуху били ногами.
Тщетно! Им жилы клыки подсекали, и тут же на месте
Падали наземь они, распластавшись в тяжком падении.
Даже и те, что, давно приручившись, ручными считались,
Воспламенялись у всех на глазах при сражении от шума,
Криков, смятения, ран, беспорядка, разгрома и бегства;

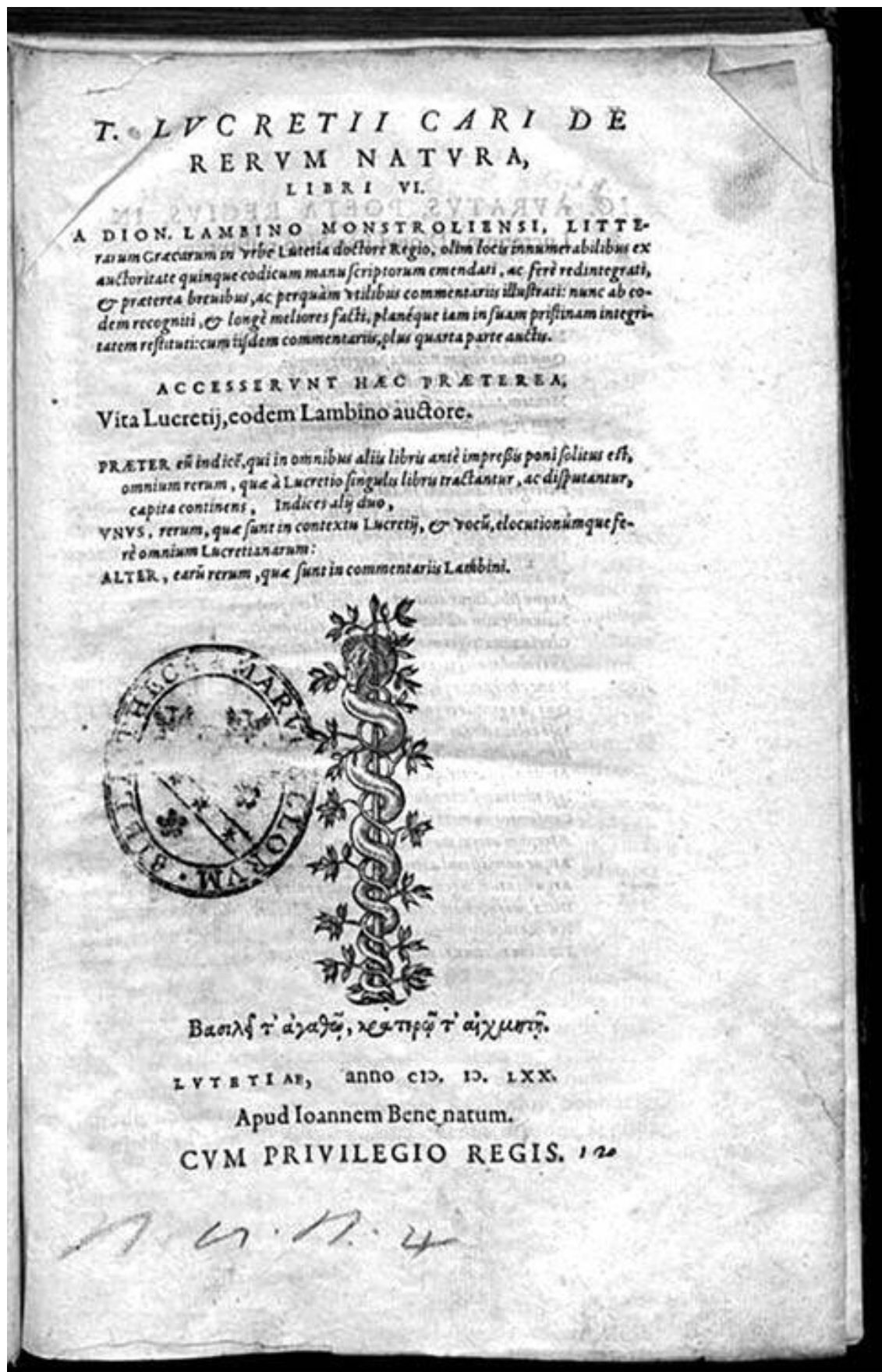
И уже больше никак осадить было их невозможно:
Врозь разбегались тогда все звери различной породы,
Как и луканские ныне волы, недобитые, часто
Все врассыпную бегут, свои же войска попирая.
Может быть, всё это так. Хоть и трудно поверить, что люди
Были не в силах умом постичь и предвидеть заранее
Гнусности этого зла, угрожавшего сделаться общим.
Можно скорей согласиться бы с тем, что это бывало
В разных вселенной мирах, сотворенных на разных началах,
Чем на одном лишь каком-либо круге земном совершалось.
Но не в надежде врагов одолеть воевали так люди,
А из желанья стенать их заставить, хотя бы погибнув,
По недоверью к числу своему и нуждаясь в оружьи.
Шкуры одеждой сперва, а потом уже ткани служили.
Ткань появилась позднее, уже после открытия железа,
Ибо нельзя без него для тканья изготовить орудий —
Гладких цевок, гребней, челноков и звонких навоев.
Выделке пряжи мужчин научила сначала природа
Раньше, чем женщин, затем, что искусней гораздо мужчины.
Да и способней их пол в его целом к художествам разным.
Но земледельцы потом суровые этой работой
Стали гнущаться и всю ее отдали в женские руки,
Выбрав при этом себе исполнение грубой работы,
И закалили во грубом труде свои руки и мышцы.
Первый посева пример и образчик прививки деревьев
Был непосредственно дан природою, всё создающей: 166
Ягоды, желуди, вниз упадавшие наземь с деревьев,
Густо роясь у корней, своевременно все вырастали.
Это и подало мысль прививать к деревьям отростки
И на полях насаждать молодые отводки растений.
Всячески стали затем обрабатывать милое поле
И замечали тогда, что на нем от ухода за почвой
Диких растений плоды получались нежнее и слаще.
День ото дня отходить заставляли леса на высоты
И по долинам места уступать возделанным пашням,
Чтобы озера, луга, ручьи, виноградники, нивы
Всюду иметь по холмам и полям, чтобы сетью седою
Рощи олив пробегать могли, среди них выделяясь,
И разрастаться везде по склонам, равнинам и долам.
Также поля и теперь, как ты видишь, красиво пестреют,
Полные сочных плодов, прорезают сады их повсюду
И окаймляют кругом кустарников ягодных чащи.
Звонкому голосу птиц подражать научились устами
Люди задолго пред тем, как стали они в состояньи
Стройные песни слагать и ушам доставлять наслаждение.
Свист же Зефира в пустых стеблях камышовых впервые
Дуть научил поселян в пустые тростинки цевницы.
Мало-помалу затем научились и жалобно-нежным
Звукам, какие свирель из-под пальцев певцов изливает, —

В непроходимых лесах обретенная в рощах и долах, —
В отдыха сладостный час на пастбищ просторе пустынном.
Всем этим люди тогда услаждались и тешили души,
Пищей насытившись: все в это время забавы по сердцу.
Часто, бывало, они, распростершись на мягкой лужайке
На берегу ручейка под ветвями высоких деревьев,
Скромными средствами телу давали сладостный отдых,
Если к тому ж улыбалася им и погода, и время
Года пестрило цветами повсюду зеленые травы.
Тут болтовня, тут и смех раздавался веселый, и шутки
Тут забавляли людей: процветала тут сельская Муза.
Голову, плечи себе из цветов иль из листьев венками
Резвость игривая всех украшать побуждала в то время;
Все начинали плясать без размера, махая руками
Грубо, и грубой пятой топтали родимую землю;
Следом за этим и смех возникал, и веселые шутки.
Внове всё было тогда, и всё представлялось чудесным.
Да и тому, кто не смел засыпать, утешением было
То, что на всяческий лад выводил он голосом песни
Или поджатой губой скользил по тростинкам цевницы.
Даже теперь сторожа сохраняют этот обычай.
Но, и размер соблюдать научившись, нисколько не больший
Плод наслаждений они получают от этого всё же,
Чем получало когда-то людей землеродное племя.
Ибо наличная вещь, коль приятней ее мы не знаем,
Нравится больше всего и кажется полной достоинств.
Но постепенно затем предмет, оказавшийся лучше,
Губит ее и всегда устарелые вкусы меняет.
Так отвратительны всем стали желуди, так в небреженьи
Ложа из листьев и трав постепенно оставлены были.
Также одежду из шкур оставили люди звериных,
Хоть и внушала она при открытии столь сильную зависть,
Что несомненно убит был тайком ее первый владетель.
Но, на клочки изорвав ее, всю обагренную кровью,
Всё же убийцы извлечь из нее не могли себе пользы.
Стало быть, шкуры тогда, а золото ныне и пурпур
Жизнь отравляют людей заботой и войнами мучат.
В этом, как думаю я, поколение наше виновней:
Стужа нагих и без шкур терзала людей землеродных,
Нам же, по правде, ничем не грозит недостаток багряных,
Золотом шитых одежд, изукрашенных пышным узором,
Если от холода нас защищает простая одежда.
Так, человеческий род понапрасну и тщетно хлопочет,
Вечно в заботах пустых проводя свою жизнь бесполезно
Лишь оттого, что не ведает он ни границ обладанья,
Ни предела, доколь наслажденье истое длится.
Это и вынесло жизнь постепенно в открытое море
И подняло из пучин войны великие волны.
Солнце же вместе с луной – караульщики мира, – великий

Неба вертящийся свод сияньем своим озаряя.
Людям внушили, что смена времен годовых неизменно,
Так же, как всё во вселенной, свершается в строгом порядке.
Жизнь проводили уже за оградой крепкою башен
И, на участки разбив, обрабатывать начали землю,
Море тогда зацвело кораблей парусами, и грады
Стали в союзы вступать и взаимно оказывать помощь,
Как появились певцы, воспевавшие века деянья;
А незадолго пред тем изобретены были и буквы.
Вот отчего мы о том, что до этого было, не знаем
Иначе, как по следам, истолкованным разумом нашим.
Судостроенье, полей обработка, дороги и стены,
Платье, оружие, права, а также и все остальные
Жизни удобства и всё, что способно доставить усладу —
Живопись, песни, стихи, ваянье искусное статуй —
Всё это людям нужда указала, и разум пытливый
Этому их научил в движеньи вперед постепенном.
Так изобретенья все понемногу наружу выводит
Время, а разум людской доводит до полного блеска.
Видели ведь, что одна за другой развиваются мысли,
И мастерство наконец их доводит до высших пределов.

Чума, страх и смерть

Между тем, дыханье горячее смерти
В кладбище некогда все обратили Кекроповы земли,
Жителей город лишив и пустынными улицы сделав.
Ибо, в глубинах Египта родясь и выйдя оттуда,
Долгий по воздуху путь совершив и по водным равнинам,
Пал этот мор, наконец, на всё Пандионово племя,
И на болезнь и на смерть повальную всех обрекая.
Прежде всего голова гореть начинала от жара,
И воспалялись глаза, принимая багровый оттенок;
Следом за этим гортань, чернея глубоко, сочилась
Кровью, и голоса путь зажимали преградою язвы;
Мысли глашатай – язык затекал изверженной кровью,
Слабый от боли, в движении тяжелый, шершавый на ощупь.

В своем основном труде «О природе вещей» (лат. *De rerum natura*) Лукреций, следуя учению Эпикура, постулировал свободу воли человека, отсутствие влияния богов на жизнь людей.

Он считал, что целью жизни человека должна быть атараксия – состояние душевного покоя, которое является идеалом жизненных устремлений для мудрого человека.

Лукреций отвергал боязнь смерти, саму смерть и потустороннюю жизнь: по его мнению, материя вечна и бесконечна, а после смерти человека его тело обретает иные формы существования.

Дальше, когда, сквозь гортань накопляясь в груди, проникала
Сила болезни затем и в самое сердце больного,
То, расшатавшись, тогда колебались жизни устои.
Вместе с дыханием рот испускал отвратительный запах,
Тот же, какой издает, загнивая, смердящая падаль.
Силы духовные тут ослаблялись, и тело томилось,
Ослабевая совсем у самого смерти порога.
И безысходной тоской нестерпимые эти страдания
Сопровождались всегда, сочетаясь с мучительным стоном.
Часто и ночью и днем непрерывные схватки икоты
Мышцы и члены больных постоянно сводили и, корча,
Их, истомленных уже, донимали, вконец изнуряя.
Но ни на ком бы не мог ты заметить, чтоб жаром чрезмерным
Кожа горела больных на наружной поверхности тела;
Нет, представлялась она скорей тепловатой на ощупь;
Точно ожогами, все покрывалось тело при этом
Язвами, как при священном огне, обнимающем члены;
Внутренность вся между тем до мозга костей распалялась,
Весь распалялся живот, пламенея, как горн раскаленный.
Даже и легкая ткань, и одежды тончайшие были
Людям несносны; они лишь прохлады и ветра искали.
В волны холодные рек бросались иные нагими,
Чтобы водой освежить свое воспаленное тело.
Многие вниз головой низвергались в глубины колодцев,
К ним припадая и рты разинув, над ними склонялись:
В воду кидаться влекла неуёмная, жгучая жажда;
Даже и дождь проливной представлялся им жалкой росой,
И передышки болезнь не давала совсем. В изнурении
Люди лежали. Врачи бормотали, от страха немея,
Видя всегда пред собой блуждавший, широко открытый
Взгляд воспаленных очей, не знавших ни сна, ни покоя.
Много еще и других появлялось признаков смерти:
Путались мысли, и ум от унынья и страха мешался,
Хмурились брови, лицо становилось свирепым и диким,
Слух раздражен был, и шум раздавался в ушах, не смолкая,
Делалось частым дыханье, а то затяжным или редким,
Шея покрыта была лоснящейся влагою пота,
В жидких и скудных плевках соленая, цвета шафрана,
С хриплым кашлем слюна с трудом выделялась из горла.
Мышцы сводило в руках, и члены тряслись и дрожали,
И, начиная от ног, подыматься все выше и выше
Холод не медлил. Затем, с наступленьем последнего часа,
Ноздри сжимались, и нос, заостряясь в конце, становился

Тонким; впадали глаза и виски; холодея, твердели
Губы; разинут был рот и натянута лобная кожа.
Без промедленья потом коченели отмершие члены.
Вместе с восьмою зарей блестящего солнца обычно
Иль на девятый восход его светоча жизнь прекращалась.
Если же кто избегал почему-нибудь смертной кончины,
То в изнурении от язв отвратительных, в черном поносе,
Всё же впоследствии он становился добычею смерти.
Часто еще из ноздрей заложенных шла изобильно
Кровь гнилая, причем голова нестерпимо болела:
Таял тогда человек, теряя последние силы.
Если ж спасались и тут от острого кровотечения
Гнойного, всё же болезнь уходила в суставы и жилы,
Даже спускаясь к самым детородным частям человека.
Тяжко иные боясь очутиться у смерти порога,
Жизнь сохраняли себе отсечением члена мужского;
Также встречались порой и такие, что жить продолжали,
Хоть и без рук и без ног, а иные лишались и зренья.
Вот до чего доводил отчаянный страх перед смертью!
И постигало иных такое забвенье событий
Прошлых, что сами себя узнать они были не в силах.
Много хотя на земле, землей не покрытых, валялось
Трупов на трупах тогда, но пернатых и хищников стаи
Всё же иль прядали прочь, убегая от острого смрада,
Или, отведав, тотчас в предсмертных мученьях томились.
Впрочем, в те страшные дни ни из птиц ни одна не решалась
Вовсе туда прилетать, ни свирепые дикие звери
Не покидали лесов. Большинство, от болезни страдая,
Околевало тогда. И верная пёсья порода
Прежде всего издыхала на улицах в тяжких мученьях:
Жизнь исторгалась из тел смертоносною силою мора.
Верных, пригодных для всех одинаково, средств не имелось,
То, что давало одним возможность живительный воздух
Полною грудью вдыхать и взирать на небесные выси,
Гибельно было другим и на верную смерть обрекало.
Тут всего больше одно сокрушения было достойно
И тяжело – это то, что как только кто-нибудь видел,
Что он и сам захворал, то как на смерть уже обреченный,
Падая духом, лежал с глубоким унынием в сердце
И, ожидая конца, он на месте с душой расставался.
Правда, с одних на других, ни на миг не давая покоя,
Шла и валила людей ненасытной болезни зараза,
Как густорунных овец и племя быков круторогих.
Это и делало то, что росла за могилой могила.
Ибо и тот, кто бежал посещения родных заболевших,
Вскоре платился и сам за свою непомерную жадность
К жизни и смерти боязнью злополучной, позорною смертью.
Помощи всякой лишен, небрежением общим казнимый.
Тот же, кто помощь своим подавал, погибал от заразы

И от трудов, что нести заставляли и совесть и также
Голос умильный больных, прерываемый жалобным стоном,
Эта кончина была уделом достойных и лучших.
Наспех несли хоронить без проводов множество трупов
И зарывали скорей, как попало, их бранные кости,
Не соблюдая совсем благочестных обычаев предков:
Наперебой торопясь с погребеньем родных, где придется
В изнеможеньи от слез и печали домой возвращались.
После же добрая часть не вставала с постели от горя.
И не нашелся б никто в это страшное время, кого бы
Не поразила иль смерть, иль болезнь, иль печаль по умершим
Ни волопас, ни пастух уже стад не пасли, да и пахарь
Твердой рукой ни один не работал изогнутым плугом:
Занемогли и они. И, скучившись в хижинах тесных,
Обречены были все на смерть нищетой и болезнью.
На бездыханных сынах бездыханных родителей трупы
Видно бывало порой, а равно и лежащих на трупах
Их матерей и отцов – детей, расставшихся с жизнью.
Да и немало беды понаделало то, что скопилось
В городе много селян, уходивших с полей, отовсюду
С разных сторон притекавших в него зараженной толпою.
Площади все и дома переполнены были, и, тесно
Скучившись вместе, народ погибал от повального мора.
Много на улице тел валялось: томимые жаждой,
Люди к фонтанам воды подползали и падали тут же,
Ибо дыхание у них ненасытная жажда спирала.
Да и по людным местам и дорогам ты мог бы увидеть
Многое множество тел изможденных людей, полумертвых;
Пакостью смрадною все и рубищем рваным покрыты,
Гибли они от парши – не люди, а кожа да кости:
Гнусные язвы и грязь уже заживо их хоронили.
Капища все, наконец, святые богов бездыханной
Грудю тел переполнила смерть, и завалены всюду
Трупами доверху все небожителей храмы стояли
Там, где пришельцев толпу призывали служители храмов.
Ни почитанье богов, ни веления их в это время
Не соблюдались уже: отчаянье всё ниспровергло.
И позабыт был обряд похорон, по которому раньше
В городе этом народ совершал погребенья издревле.
Все трепетали тогда в смятении полном, и каждый
В мрачном унынии своих мертвецов хоронил как придется.
Спешка и с ней нищета к делам побуждали ужасным:
Так, на чужие костры, для других возведенные трупов,
Единокровных своих возлагали с неистовым криком
И подносили огонь, готовые лучше погибнуть
В кровопролитной борьбе, чем с телами родными расстаться.

Нелепость страха смерти

Помнить же нам надлежит,
Что смерть нам – ничто и ничуть не имеет значенья,
Ежели смертной должна непременно быть духа природа.
С нами не сможет ничто приключиться по нашей кончине,
И никаких ощущений у нас не пробудится больше,
Даже коль море с землёй и с морями смешается небо.
Если же сила души и природа духовная всё же
Чувства могла бы иметь, и расторжена будучи с телом,
То и тогда бы ничто это было для нас, раз мы только
Узами тела с душой и союзом их сплочены тесно,
Да и когда б вещество собиралось наше обратно
Временем после кончины и в нынешний вид возвращалось,
Если вторично на свет появиться дано бы нам было,
Всё-таки это для нас не имело бы вовсе значенья,
Так как о прошлом уже была б у нас прервана память;
Так же, как ныне для нас безразлично, чем были мы раньше,
И не томимся о том мы теперь никакою тревогой.
Ибо, коль взор обратить на прошедшее, мыслью окинув
Всю необъятность веков, и подумать, сколь многообразны
Были материи всей движенья, легко убедиться,
Что семена, из каких мы теперь состоим, принимали
Часто порядок такой, в каковом пребывают и ныне.
Но тем не менее нам былого того не вспомнить:
Падает тут перерыв бытия, при котором потоки
Тел основных лишены были чувства и праздно блуждали.
Если же в будущем ждут и несчастья и горе, то должен
В это же время и тот оказаться, с кем могут случиться
Эти невзгоды, но раз изымает их смерть, преграждая
Жизнь у того, кто бы мог подвергнуться скопищу бедствий,
Ясно, что нам ничего не может быть страшного в смерти,
Что невозможно тому, кого нет, оказаться несчастным,
Что для него всё равно, хоть совсем бы на свет не родиться,
Ежели смертная жизнь отнимается смертью бессмертной.
А потому, если кто при тебе сокрушается горько
И негодует на то, что сгниет его тело в могиле,
Или же пламя его иль звериная пасть уничтожит,
Ясно, что он говорит не искренне, что уязвляет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.